

Как будто заботясь о детях, они вдвоём долго общались с ними, пока те не разошлись по домам с родителями.

Трогательные, неохотно расстающиеся лица детей ещё долго поддерживали у Пэн Цзэфэна приподнятое настроение. Хотя он никогда ни к чему не горел особым энтузиазмом и ни о чём особенно не мечтал, это чувство было, наверное, похоже на его любовь к горному велосипеду.

Мысль «есть что-то, что нравится», а значит, «я не совсем нечеловек», вызывала в нём лёгкую радость.

С таким настроением Пэн Цзэфэн нашёл даже скучный обмен мнениями куда более приятным. Передав кота Юй Фэну, он в одиночестве отправился к месту встречи.

— Я воздержусь от оценки, — заявил Пэн Цзэфэн с неизменным каменным лицом.

Хотя говорил он так лишь для того, чтобы под благовидным предлогом спокойно погрузиться в свои мысли.

Он не ожидал, что едва усядется — и сразу же попадёт на такую пикантную дискуссию. Эти люди втихомолку разработали нечто вроде машины для сновидений, отчего часть его мыслей немедленно умчалась к аниме-фильму «Красный перец».

В той картине устройство позволяло делиться снами, чтобы психотерапевт, проникая в сновидения пациента, проводил терапию.

Их аппарат, судя по всему, был схожим — по крайней мере, изначально его представляли именно как лечебный, где психиатр или психотерапевт входит в сон и руководит процессом.

Однако для применения подобной машины необходимо было проверить её безопасность.

Их методы...

Молодой психиатр из М-страны, ровесник Пэн Цзэфэна, поднялся со своего места:

— Тот, кто посягает на права других, должен быть готов к возмездию или законному наказанию. Но, прошу прощения, я не могу согласиться с вашей точкой зрения и вашими методами.

Пэн Цзэфэн перевёл на него взгляд. Типичный красавчик с золотыми волосами и голубыми глазами, да ещё и с нимбом святого. Впрочем, парень был прав.

Старик, предложивший этот план, встал:

— Это важнейшая реформа, и жертвы неизбежны. Эти преступники и так заслуживают смерти. Пусть перед концом послужат человечеству и искупят грехи... Они должны быть нам благодарны.

Молодой человек вспыхнул:

— Так вы довели человека до психического расстройства?!

Холлс Уокер спокойно посмотрел на Гонсу Лопеса, у которого на висках вздулись вены:

— Этот результат принесёт пользу бесчисленным страдающим пациентам.

— У мучеников есть свои принципы, — произнесла Хигасино Сакурако.

Гонса Лопес сдержал гнев. Он никогда не повышал голос на женщин и постарался говорить как можно ровнее:

— Мученики не должны втягивать в это других. Вы просто лицемеры.

Но Хигасино Сакурако не стала с ним церемониться:

— Что вам, гениям, понять? Вам легко проникать в мир пациентов, вот вы и презираете нас, вынужденных полагаться на машины! Будь я лицемеркой и побоясь сойти с ума, я бы не пошла в психиатрию. Я прекрасно знаю, насколько это опасно! Я отдала этой работе тридцать лет и каких пациентов только не видела! Я не боюсь быть исполнителем, я боюсь, что результаты так и останутся не востребованными!

Пэн Цзэфэн: ... Я просто тихо сижу, и уже досталось? Гении-то твоего риса не ели, не обобщай, ладно?

В этой словесной перепалке, которая явно не собиралась стихать, Пэн Цзэфэн полностью сосредоточился на роли внутреннего комментатора.

Холлис Уокер:

— Их и так должны были казнить. Пусть они рискуют — это принесёт больше пользы, чем если рискну я. Во мне нуждаются пациенты, нуждается и всё медицинское сообщество.

Что ж, этот старик и вправду был пионером в своей области, внёс огромный вклад и стал примером для многих будущих психиатров. Его существование нельзя было описать просто как «ценное» — его значимость была неоценима.

Гонса Лопес не мог с этим спорить. Вклад Холлса Уокера в психиатрию был общепризнан.

Он просто не мог смириться с тем, что его прежний кумир опустился до таких беспринципных методов.

Разве у человека не должно быть непреодолимых границ?

Неужели ради этого дела можно переступить через всё?

Возможно, ему стоило успокоиться и взглянуть на ситуацию объективно.

Гонса Лопес сел.

Хигасино Сакурако подошла к большому экрану:

— Если возражений пока нет, давайте посмотрим на результаты эксперимента.

Пока загружались данные, она поясняла:

— Принцип работы аппарата заключается в преобразовании мозговых волн человека в электрические сигналы и проецировании соответствующих образов сновидения. Давайте посмотрим на множественные сны первого испытуемого. Это не так совершенно, как в кино, технология ещё экспериментальная. Эти сны мы попытались для него смоделировать. В них он — «Арид Данн». Подробности — в видеоматериале.

«Опять этот сон, каждый раз продолжается так странно», — проворчал Арид Данн, потянулся, похлопал себя по щекам и направился в ванную.

Он остановился перед зеркалом, разглядывая своё отражение, созданное игрой света. Короткие золотистые кудри, зелёные глаза — ничего особенного. Если бы и было что выделяющееся, так это само лицо. Черты в сочетании с овалом создавали чарующее впечатление.

Эта притягательность не исчезала даже когда он не брился, просто после бритья он выглядел свежее.

Арид был тем, кого принято называть элитой. Его ежемесячный доход превышал сто тысяч долларов, и женщин, им интересовавшихся, было не меньше.

Как известный молодой талант в IT-сфере, он постоянно получал предложения от хедхантеров, но всегда вежливо отказывался.

Компания, в которой он работал сейчас, принадлежала его будущему тестю, и вскоре он должен был жениться на дочери босса — своей подруге, с которой встречался со времён университета.

Всё складывалось идеально. Давления почти не было — его способностей и стрессоустойчивости хватало, чтобы справляться с любыми трудностями. Беспокоиться было не о чем.

И всё же каждую ночь ему снился сон, где он был другим — с другой внешностью, другим характером. Неизменным оставалось лишь имя.

Тот, «сонный» Арид, вёл неторопливую жизнь, и чаще всего в его памяти всплывало, как он лежит на траве, греясь на солнце. Так прошла вся зима: каждый день, едва солнце достигало зенита, он оказывался на лужайке в одном и том же парке. В остальное время выполнял небольшую работу.

«Сонный» Арид не гнался за успехом. Ему было достаточно выполнять обязанности, чтобы прокормиться. Подруга ему была не нужна, общался он редко. В последнем сне он решил завести собаку — чтобы та грелась на солнце вместе с ним.

Арид не понимал, почему ему снятся такие сны, да ещё и настолько детальные — вплоть до моргания, дыхания, с ощущением течения времени. Словно он наблюдал за чужой жизнью.

Но что бы там ни снилось, его реальность оставалась неизменной.

Как человек дисциплинированный, он был счастлив.

В тот день Арид, как обычно, лёг спать в одиннадцать вечера.

Но, проснувшись, обнаружил себя не в постели, а на солнечной лужайке.

Он запаниковал. Засыпая во сне, он должен был вернуться в реальность, но на этот раз, уснув во сне, он проснулся на траве. И это был не он из сна — он отчётливо понимал, что не должен здесь находиться.

Он подбежал к пруду в парке. Отражение в ледяной воде подтвердило: это действительно был

«сонный» Арид!

Что происходит?

Арид почувствовал ледяной страх, поднимающийся из самой глубины души. Это был не просто страх перед непонятной ситуацией. Беспричинное, почти животное чувство ужаса, будто выползающее из темноты, протягивало к нему когти, чтобы затянуть в бездну, откуда нет выхода. Он отчаянно хотел бежать, но, стоя у пруда, не знал, куда.

<http://bllate.org/book/16276/1465642>